

АКТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Кострица Е.И.

Читинская государственная медицинская академия

Чита, Забайкальский край, Россия

Процесс современной российской модернизации школы качественно преобразует актуальные технологии внутри учреждений среднего образования. Заметно изменяются средства и методы обучения, внедряются компьютерные инновации, возникают интерактивные трансформации. Данные вопросы широко освещены в СМИ, поэтому мы не хотим ограничивать наше исследование узкими рамками педагогики и методики преподавания, расширив их междисциплинарными параметрами. Западная научная мысль имеет более прогрессивное видение вопросов модернизации, именно поэтому мы избрали работы западных теоретиков модернизации Д. Лернера, У. Ростоу, Р. Уорда, Д. Ростоу, Д. Эптера, М. Леви, А. Инкелеса, Г. Терборна в качестве материала данной статьи. Широко известно, что модернизация средней школы напрямую зависит от культурной трансформации, протекающей на фоне культурной среды, регулирующей нравственно-этические параметры социальных структур. Итак, согласно корреляции категории культурной среды с актуальной модернизацией, необходимо выявить следующие теории модернизации: психологическую, экономическую, антропоцентрическую, социоантропоцентрическую, футурологическую. Рассмотрим обозначенные теории в детальном ракурсе. Трактовка процесса модернизации воспринимается неоднозначно. Модернизация становится преобразованием новейшей истории, применимым к актуальным планетарным изменениям, поэтому термин «модернизация» относится не ко всему периоду социального прогресса, а только к одному его этапу – современному. Поскольку современный период человеческой истории датируется с момента зарождения капитализма, суть модернизации связывают с всемирным распространением ценностей и достижений капитализма. В конкретном понимании речь идёт о рационализме, расчётливости, урбанизации и индустриализации. Данные четыре составляющие формулируют направление модернизации, как объективного планетарного процесса.

На сегодняшний день лидерами модернизации являются США и Западная Европа, которые целиком и полностью приобщились к её воздействию и добились потрясающих экономических результатов. Россия, в свою очередь, адаптирует процесс модернизации согласно собственной экономической модели, пребывая на начальной стадии своего модернизационного развития. Универсальная теория модернизации в данном отношении призвана объяснить то, каким образом запоздавшие в своём развитии страны могут достичь этапа, характерного для развитых стран, и решить внутренние проблемы, не нарушая стадиальной оче-

редности. Модернизация – есть способ вхождения в мировое сообщество, под которым понимается подчинение мировой экономической системе капитализма. Итак, модернизацию принято рассматривать в качестве революционного, радикального перехода от доиндустриального к индустриальному, или капиталистическому обществу, осуществляемого путём комплексных реформ. Д. Лернер выдвигает психологическую теорию модернизации, определяя данный процесс в качестве ментального явления. «Модернизация – это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям» [2, с. 179] – пишет Д. Лернер. Ментальная репрезентация процесса модернизации демонстрирует идею поэтапной умственной обработки позитивных и негативных параметров модернизации для эффективной реализации динамики прогресса.

Д. Лернер является сторонником концепции «креативной рациональности» [2, с. 186], состоящей из трёх взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов: «твёрдая убежденность в существовании зависимостей и причин, которые поддерживают непрерывный и систематичный, изобретательный научный поиск, аналитико-каузальная установка на творческий поиск, расширение круга знаний; мультипликация инструментов и технологий, вызываемая первым аспектом и одновременно поощряющая его; готовность принимать непрерывные изменения на индивидуальном и социальном уровнях при одновременном сохранении (способности сохранять) индивидуальной и социальной идентичности» [2, с. 140]. Данные аспекты способствуют всецелой реализации модернизации в её прогрессивной форме. К сожалению, в контексте российской действительности проблема личностного отчуждения приобретает особый вес в психологическом ракурсе. Вера в прогресс подкрепляется как расширением масштабов производства, так и выпуском нового оборудования. Данные преобразования обусловлены развитием научной мысли и научно-техническими достижениями в различных отраслях знания. Экономическое видение проблематики модернизации рассматривается У. Ростоу, который отмечает пять стадий экономического роста в процессе модернизации: «традиционное общество, подготовка предпосылок для «взлёта», стадия «взлёта», «зрелость», век «высокого потребления» [4, с. 110]. Стартовой точкой всех обозначенных стадий является традиционное общество, их итоговым временным отрезком У. Ростоу считает общество массового потребления. Каждая стадия является переходным этапом в экономическом развитии. Пятая стадия становится периодом создания общества, где присутствует ориентация на тенденцию масскульта. Последовательные экономические преобразования не являются для У. Ростоу приемлемыми.

У. Ростоу уверен в необходимости радикальных трансформаций в экономике стран: «Необходим дополнительный толчок, чтобы ввести общество за пределы подготовительной

стадии. Таким стимулом может быть политическая революция, преобразующая наиболее важные институты; технологическая инновация...или благоприятное в плане цен и растущего экспортного спроса внешнее окружение. После прохождения подготовительной стадии страна, желающая добиться самоподдерживающегося экономического роста, должна создать соответствующую структуру для осуществления толчка: капитал и ресурсы должны быть мобилизованы для того, чтобы поднять идеальный вес производственных инвестиций до 10 % национального дохода, иначе экономический рост не сможет догнать рост народонаселения» [4, с. 130]. Итак, У. Росту выделяет три альтернативы корневых преобразований, присутствующих в политико-экономической среде: политическая революция, технологическая инновация, трансформация внешнего окружения. Политическая революция кардинальным образом трансформирует государственную систему всех стран, включая Россию, и формирует их суверенитет. При реализации технологической инновации приоритетную позицию занимает осуществление технологического прогресса, как процесса, способствующего созданию условий для индустриализации, повышающей уровень производственного потенциала. Трансформация внешнего окружения приводит к созданию эффективной модели государственного функционирования. Для структурирования этих моделей необходимо финансирование данных инновации, поэтому У. Росту определяет четыре инстанции инвестиционных вливаний в истории России: «Конфискационные и налоговые предприятия; банки, рынки капиталов, государственные облигации, фондовые рынки; внешняя торговля; прямые иностранные инвестиции» [4, с. 169]. В советской России производственные инвестиции приобретались путём конфискационных и налоговых выплат, в современной России индустриальное инвестирование осуществляет в четырёх обозначенных направлениях, способствующих межгосударственной кооперации.

Антропоцентрическая модель модернизации выдвинута такими исследователями, как Р. Уорд, Д. Росту и Д. Эптер. В рамках антропоцентрической теории Р. Уорд маркирует инструментально-технологическую вариацию модернизации, при которой особое внимание обращено к трансформациям инструментов и способов освоения и контроля за окружающей средой, технологическим прогрессом, индустриализацией: «Модернизация опирается на «систематическое», непрерывное и целевое применение человеческой энергии для «рационального» контроля над природным и социальным окружением человека» [6, с. 46]. Р. Уорд характеризует модернизированное общество в качестве конгломерата, способного контролировать природное и социальное окружение и формировать собственную ценностную систему. Модернизация стоит на порядок выше любой другой антропоцентрической модели и обладает комплексной природой и проявлением. Согласно Р. Уорду, современная политическая модернизация обладает следующими чертами, отсутствующими в традиционной модернизации

онной модели: дифференцированной и функционально специализированной системой управленческой организации; высокой степенью интеграции внутри управленческой структуры; превалированием национальных и светских процедур принятия политических решений; большим объёмом, широким диапазоном, высокой эффективностью политических и административных решений; широко распространённым в массах сильным ощущением своего тождества с историей, территорией и национально-государственным индетитетом; заинтересованностью и вовлечённостью народонаселения в политическую систему; распределением политических ролей в соответствии скорее с принципом достижения статуса; судебскими и регуляторными технологиями, которые основываются преимущественно на светской и имперсональной системе закона [6, с. 99]. Д. Растоу принято считать последователем концепции инструментально-технологической трактовки модернизации, учёный акцентирует внимание на следующем: «Модернизация влечёт стремительное расширение контроля над природной средой благодаря более тесной кооперации между людьми. Модернизация влечёт за собой диффузию того, что один эксперт определил как «мировая культура» – основанная на передовой технологии и духе научности, на рациональном взгляде на жизнь, светском подходе к социальным отношениям, чувстве справедливости в общественных делах, и, кроме всего прочего, признании в качестве главной единицы политической реальности национального государства» [3, с. 222]. Политическое описание государства позволяет выявить антропологическую модернизацию, претворяющую идею о тоталитаризме в основных аспектах экономической, культурной и социальной организации.

Д. Эптер подчеркивает значение индустриализации в ходе модернизации, связывая её осуществление с распространением и использованием индустриальных ролей в неиндустриальной среде. По мнению Д. Эптера, индустриализация является ключевым аспектом модернизации, обладающим более динамичными и последовательными характеристиками [7, с. 155]. Основная особенность индустриализации состоит в трансформации традиционных институтов и обычаев при установлении новых ролей и социальных структур при механизации производства. Механизация производства связана с такими изменениями, как НТП и ментальная перестройка и демонстрирует тенденцию к прогрессивному социальному развитию. Социоантропоцентрическая теория модернизации представлена в работах М. Леви и А. Инкелеса. Социолог М. Леви раскрывает проблему идентификации отличительных черт модернизации при рассмотрении двух ключевых моделей социальной структуры: традиционного и современного обществ. Общество, согласно М.Леви, принято считать современным, так как оно является продуктом модернизационных трансформаций, в то время, как патриархальное традиционное общество не отвечает актуальным трансформациям модернизации. Именно поэтому, социальная дифференциация внутри обозначенных систем проявляет тенденцию к

гибридизации, что приведёт к деградации социальных систем. М. Леви даёт следующую дефиницию модернизированного общества: «Общество является более или менее модернизированным в зависимости от того, как широко его члены используют неодушевлённые источники энергии и / или применяют машины, чтобы умножить эффект собственных усилий» [1, с. 330]. Трактовка модернизации в качестве процесса потребления энергии, сопровождающийся или изолированный от технического прогресса. Модернизация зависит степени повсеместной консьюмеризации, присутствующей в социуме. М. Леви полагает, что сама модернизация определяется степенью использования инструментов и неживых источников энергии. М. Леви уверен, что в мире нет обществ, лишённых индустриальных черт и энергетических ресурсов. Учёный выявляет динамику реализации модернизации, при которой присутствуют два типа общественных структур: относительно модернизированные общества и немодернизированные общества. Исследователь сравнивает данную оппозицию с «двумя локусами на противоположных концах континуума» [1, с. 320]. М. Леви делает акцент на важном факторе модернизации, связанном с контактом между относительно модернизированными и немодернизированными обществами. Модернизация выступает в качестве универсального решения большинства глобальных проблем: «Модели относительно модернизированных обществ, однажды достигнутые, обладают универсальной тенденцией проникать в любые социальные контексты, представители которых вступили в контакт с ними... Эти модели проникают всегда, как только проникновение началось, предшествующие туземные модели неизбежно меняются; и это изменение всегда происходит соответственно направлению, обозначенному одной из моделей относительно модернизированных обществ» [1, с. 300]. Модернизация является прогрессивным стимулом, детерминирующим социальные институты с такой стремительностью, что тенденция к социальным трансформациям становится актуальным феноменом в свете тотальных глобализационных изменений. Ряд параметров, применяемый в целях идентификации степени различия между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами, был выдвинут М. Леви в результате сравнительного анализа двух данных структур. А. Инкелес определяет место современного человека в модернизированном обществе, перечисляя шесть свойств индивидуума в мире: «Открытость по отношению к экспериментированию (современный человек готов заниматься новыми видами деятельности или изобретать новые технологии производства); расширение независимости от авторитетов (современный человек не находится под контролем племенных вождей или царей); вера к науку (современный человек верит, что люди могут завоевать природу); ориентация на мобильность (современный человек очень амбициозен и стремится подняться по социальной лестнице); использование долговременного планирования (современный человек заблаговременно планирует свою жизнь и знает, что он должен завершить в

следующие пять лет и т.д.); активность в сфере публичной политической жизни (современный человек принимает активное участие в жизни общества)» [1, с. 45]. Тенденция к усвоению новых видов деятельности и изобретению новых технологий. Открытость по отношению к эксперименту реализуется в процессе научно-технического поиска и личностного совершенствования. Личностная свобода современного человека не зависит от влияния окружения. Вера в науку способствует полномасштабному прогрессу в условиях современной модернизации. Ориентация на мобильность предвосхищает рывок в личностном развитии в структуре социума. Использование долговременного планирования помогает перспективному прогнозированию тех или иных событий в персональной экзистенции. Активность в сфере публичной политической жизни содействует партиципации современного человека в общественной жизни.

Футурологическая концепция модернизации подробно описана шведским учёным Г. Терборном: «Modernity может быть понята, как эпоха, повёрнутая в будущее, которая представляется, как нечто, отличное и лучшее по сравнению с современностью и прошлым» [5, с. 123]. Учёный выдвигает «принцип бинарного кода», позволяющий осуществить управление «семантикой времени» [5, с. 180], посредством выявления контраста между настоящим и прошлым. Дихотомия «настоящее – прошлое» выражает вульгаризированную модель культурологического кода развития. Г. Терборн в этой связи пишет: «Эпоха modernity завершается, как только люди прекращают локализовать поведение или формы жизнедеятельности на оси «традиция – современность», «неразвитость – развитость», когда различие между прошлым и будущим теряет свою актуальность в дискурсе по поводу общества и культуры. Конец эпохи modernity знаменуется девальвацией таких понятий, как прогресс, развитие, эмансипация, рост, просвещение и т.д.» [5, с. 182]. Контрастирующие черты должны постоянно быть в позиции конфронтации для наилучшей реализации инновационных стереотипов и вариации социума. Эпоха модернити в современной России подвержена многим катаклизмам, так как в нашей стране пока не выработана политика постоянного сопротивления негативизму модернизации, который способен нарушить как национальную идентичность, так и процесс кооперации России с другими странами мира. Г. Терборн выдвигает теорию о четырёх «дверях» или «путях в / через модернизацию»: Путь эндогенной модернизации в Западной Европе; путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америки и Австралии, сами возникшие в результате трансконтинентальной миграции; путь, через колонизацию традиционных обществ европейцами через навязанную колониализмом открытость; модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай). Четвёртый путь модернизации, характерный для России, демонстрирует особую зависимость данного процесса от мондиальных и планетарных изменений

глобализации. Модернизация претворяет в жизнь все перспективы, выдвинутые глобализацией.

Библиографический список:

1. Леви М. Социальные модели и проблемы модернизации [Текст] / М. Леви – М.: ЮНИТИ, 2004 – 369с.
2. Лернер Д. Преобразование традиционного общества [Текст] / Д. Лернер – М.: Проект, 2006 – 278с.
3. Растоу Д. Мир наций [Текст] / Д. Растоу – М.: Терра, 2007 – 342с.
4. Ростоу У. Избавление от тоталитарного развития: стадии экономического роста [Текст] / У. Ростоу – М.: Экономика, 2006 – 288с.
5. Терборн Г. Европейская модернизация: Траектория европейского общества [Текст] / Г. Терборн – М.: Наука, 2006 – 189с.
6. Уорд Р. Современные политические системы [Текст] / Р. Уорд – М.: Просвещение, 2006 – 246с.
7. Эптер Д. Политические системы и изменения в развитии [Текст]: сборник статей / Д. Эптер // Сравнительная политика // М.: Проект – 2006 – №6 – 174с., С.157-169.